

Идёт, пригнувшись, пилигрим,
Так сильно небо давит.
Давай с тобой поговорим
О том, за что страдали, –
О Родине, о временах
Печальных и тревожных.
Идет, ссутулившись, монах,
Глаза поднять не может.
А в небесах над ним горят
Останки душ невинных.
Так далеко последний ряд,
Что ничего не видно.
Давай пойдём с тобой как встарь
Лихой тропой гусарства,
Идёт, расправив плечи, царь,
Оставшийся без царства.
И в голове его не гимн,
А прошлых мыслей улей,
А молчим, а мы сидим
И что-то караулим.
Не сыщешь в голосе металл,
Молчание дороже.

Когда последний первым стал,
Второй сошёл с дороги.
И хрустнул мира позвонок
Под строгим взглядом Бога.
Я жил, наверное, как мог,
Но смог не так уж много.
Пусть простота не воровство,
Пусть скверно дул в трубу я.
Не ангел я и ничего
В жизнь не возьму другую.

* * *

Никого уже нет из тех,
с кем я мир поменять хотел,
с кем гуляла моя душа,
в дни весенние не спеша.
никого уже нет из тех,
кто в году отмечал лишь сны,
кто разбрасывал снег для всех,
чтоб растаял он до весны.
Никого уже нет из тех,
кто стихи до утра читал,
кто всю ночь в облаках витал
и мечту добывал из стен.
Никого уже нет. Война
опоясала как лишай.
Если можешь, себя лишай
лучшей доли, что не дана.
Никого уже нет. Рассвет
не дотягивается до дня.
Не с кем чокнуться, чтоб до дна,
дна как не было, так нет.
Но зато есть такая даль,
что не в силах вобрать мой взгляд.
Но зато есть такая сталь,
что клинки от нее блестят.
И еще кто-то мне сказал,
что, наверно, мы все в кино.
Опоздали мы на вокзал,
где в буфете всегда темно.
И состав прогремел без нас,
в нем все те, кого бог не спас,
в нем все те, от кого душа
ждет бессмертия не спеша.

* * *

Я писатель второго ряда,
Но мне хочется в ряд последний,
Потому что моя отрада,
Укатила в вагоне летнем.

Я бросаюсь на амбразуру
Виртуального пулемёта.
Я влезаю в чужую шкуру,
чтобы вспомнить чужое что-то.
Жаль, что мысли мои устали,
Поднимаясь в чужую гору.
Я участвую в карнавале,
Что спускается с неба в город,
Чтоб скупить в магазинах сказки,
Чтоб продать на базаре спицы,
Чтоб забрать у счастливых маски,
А несчастным оставить лица.
Подражатели, лицемеры,
Я писатель второго ряда
Прославляю вас всех без меры,
Вы хлебнули такого яда,
Что теперь ничего не страшно,
Бьют куранты на разных башнях,
Часовые стоят в дозоре,
И слеза не дрожит во взоре.

* * *

Москва сегодня мокрая,
Как будто искупалась.
Всё утро песня смолкшая
В моей груди копалась.
В ней дар прожить без девочки,
Что расплетала косы,
В ней сладкое бездействие
И на веранде осы.
В ней струны то расстроены,
Уродуют гитару,
В ней люди, что расстроены,
А им бы жить на пару.
Не ищет прилагательных
Один глагол великий,
Ему бы вздох мечтательный
И солнечные блики.
Москва сегодня лучше, чем
Любой такой же город.
Студенты снова учатся
Чтоб пропитаться вздором,

Коты устало хмурятся
Среди возни мышиною,
И светофоры щурятся,
Чтоб разглядеть машины

* * *

В тумане мне видится лучник,
Хочу совершить с ним обмен,

Когда-нибудь все станем лучше,
Чем были на данный момент.
Казалось бы, лучник, ну что в нём?
В нём крупная соль бытия.
В родстве мы с ним больше, чем в кровном,
И он здесь нужнее, чем я.

А мне бы туда, где просторы,
Где сходятся с волком пути,
Где в небо врезаются горы,
Чтоб кровь голубую пустить,
Где ходят деревья в пижамах,
Где русским рождён Робин Гуд,
Где тушат пожары глазами,
Волхвы, что веками живут.

Но лучник? Зачем же нам лучник?
Отравлены стрелы давно.
Когда-нибудь все станем лучше,
Но в чаше прокисло вино,
Пусть он лучше знает, как нашу
Отчизну варяги спасут,
Пусть он лучше видит, как чашу
Куда-то несут и несут.

* * *

Кто был из нас правее,
Откроется до весны,
Лавры Хемингуэя
Никому не нужны.
Кто останется с нами?
Только король да шут.
Голыми я руками
Душу свою душу.
Ветер, мечты развея,
Рукопись рвёт из рук,
Кто был из нас правее
Знает хромой паук,
Вижу полёт утиный,
Сбежать бы из этих мест,
Выпьем за паутину,
Где погибал Эрнест,
Выпьем за Че Гевару,
Чья борода черна,
Выпьем с тобой на пару
Водки или вина.
И, разобравшись с прошлым,
Мы новые дни земли,
Мешать будем длинной ложкой,
чтоб рты нам не обожгли.

* * *

Ранее утро. Густая тьма.
Даль невозможная.
Родина долгая, как зима,
Как бы спросить мне: можно я?
Русское небо в сплошном дыму,
Нечего больше скрашивать
И ничего здесь нельзя тому,
Кто научился спрашивать.
Счастье, что где-то течёт река,
Хоть до неё ты дойти не смог,
Думай о том, что звезда близка
Или не думай – повсюду Бог.